

Глава VI

ФЕНОМЕН СЕПАРАТИЗМА

За четверть века полевых этнографических исследований мне пришлось побывать в ряде районов мира, где имеются движения за самоопределение и этнические конфликты происходят в сепаратистских формах (канадский Квебек, канадская Арктика, Ольстер, Каталония, Тироль, Гавайи, Шри Ланка, Кипр, Южная Осетия и Абхазия, Чечня). В данной главе использованы не только собственные полевые материалы, но и имеющиеся научно-теоретические разработки и конкретные описания сепаратистских случаев. В целом литература о сепаратизме страдает политической заангажированностью и двойственными подходами¹. У сепаратизма почти всегда есть как минимум две противоположные версии, которые обслуживаются интеллектуалами конфликтующих сторон или им симпатизирующими внешними экспертами. В зависимости от политической позиции аналогичные случаи сепаратизма оцениваются абсолютно по-разному. Так, для антироссийски (или «антиимперски») настроенных авторов Чеченская война — это «надгробный памятник российской власти», и, наоборот, абхазская сецессия — это «коммунистическая Вандея»².

Следует сразу же сказать, что число защитников сепаратизма среди интеллектуалов, включая ученых, гораздо больше, чем про-

тивников. Причем есть одна общая закономерность: просепаратистские симпатии ученых и публицистов распространяются на внешний мир и очень редко на собственные страны. Это объясняется прежде всего гораздо более упрощенным представлением о внешнем мире, сложившемся во многом под воздействием средств массовой информации и международных адвокатов в пользу той или иной конкретной сецессии, и гораздо более детальным знанием ситуации в собственных странах. В Канаде и даже в самом Квебеке мною преимущественно фиксировались мнения, что радикалы-франкофоны никогда не добьются отделения Квебека от Канады и результаты народных референдумов только подтверждают призрачность и безответственность проекта расчленения Канады. «Уж если Квебек получит независимость, то только тогда, когда он надоест все остальной Канаде и она его просто выпихнет. Многие канадцы и сейчас относятся легкомысленно к этому вопросу, как будто вопрос идет всего лишь о том, чтобы поменять форму своей прически. В итоге чуть не проспали последний референдум, когда сторонники сепаратистов приблизились к половине голосов», комментировала одна из моих канадских коллег-антропологов, проживающих в Монреале³. В те дни, когда газеты объявили об итогах последнего референдума в Квебеке, я находился в Казани — столице российской Республики Татарстан, где достаточно сильны просепаратистские настроения. Почти все комментировавшие это сообщение видели в нем только один момент — рано или поздно Квебек все равно будет независимым (а значит и Татарстан также).

В еще большей степени в мире господствуют симпатии в отношении независимости Тибета от Китая. Китай фактически в одиночку противостоит мощному внешнему давлению и осуждению за проведение колониалистской политики репрессий в этом регионе и подавление права на самоопределение для тибетцев. В пользу этих симпатий работает гигантский авторитет духовного лидера буддистов Далай-ламы XIV, который является политическим эмигрантом из китайского Тибета, и активная деятельность на Западе многочисленных эмигрантов из Тибета, имеющих статус политических беженцев. Романтика высокогорного монастырского мира верующих тибетцев-ламаистов затронула многих людей, особенно в странах Запада и особенно среди молодежи. Поклонники независимого Ти-

бета и последователи ламаизма появились среди голливудских звезд и рядовых старшеклассников. Дочка одного из моих монреальских коллег-антропологов после посещений местного клуба эмигрантов из Тибета стала активистом движения за независимый Тибет, а затем и антропологом — специалистом по данному региону. Такие наивные романтики и самозванные адвокаты независимого Тибета вместе с эмигрантами и самим Далай-ламой составляют мощную внешнюю силу, претендующую представлять и говорить от имени населения Тибета. Однако мало кто обращает внимание, что само происхождение данного конфликта и его столь давняя история имеют отношение прежде всего к геополитическому и идеологическому соперничеству великих держав после второй мировой войны. Сейчас многие серьезные историки и другие эксперты признали, что именно вмешательство США, в том числе и агентурное, в события 1950-х годов в Тибете (волнения служащих монастырей, столкновения с властями, гражданские политические коллизии) позволили этому конфликту обрести своего рода мировую легитимность и уже после этого обрести собственную инерцию и внешние ресурсы, которые не позволяют достичь примирения в этом регионе Китая многие десятилетия.

Поразительно однозначной была реакция внешнего мира на сепаратизм в странах Восточной Европы и в СССР, когда там начались демократические преобразования с середины 1980х годов. Желание государств разрушить другие государства с помощью сепаратизма, т.е. раздела по так называемому «национальному» (читай — «этническому») признаку, доминировало над всеми другими расчетами, политическими и культурными ориентациями. Кстати, весь этот гигантский процесс нового раздела государств в 1990 годы подтверждает одно из наших глобально-исторических наблюдений, что государства остаются основными игроками на мировой политической арене, что они пребывают в состоянии соперничества за ресурсы и политическое влияние, что они склонны к опасному соперничеству, что они готовы осуществлять передел ресурсов и влияния в свою пользу как главный приоритет своей политики, после чего уже следует забота о правах человека, демократии, стабильности и процветании во всем остальном мире. Желание ослабить основного соперника или потенциального противника всегда берет верх над со-

ображениями идеологическими (например, неприятие исламского экстремизма). Именно так произошло с поддержкой внешним миром чеченского сепаратизма, ибо это означало возможность поддержания для западного мира ослабшего было внешнего «образа врага» и начало геополитически полезного с точки зрения многих геостратегов второго раунда дезинтеграции территории бывшего СССР за счет новой «мини-империи» России. Именно этим объясняется крайне резкая негативная реакция внешнего мира в связи с политикой российского правительства покончить с существованием неконтролируемого региона вооруженной сепаратизма, который многие в мире уже зачислили в новые «де-факто» независимые государства.

Проблема сепаратизма в политике и в науке имеет выраженный эмоциональный контекст, ибо участники дискурса или открытой борьбы имеют дело с фундаментальными ценностями, непосредственно затрагивающими большие массы людей. В каком государстве жить, кому подчиняться, на каком языке говорить, кому молиться, как перемещаться, кто будет защищать жизнь и собственность людей, наконец, какой гимн петь и каких героев и какие могилы почитать? Проблема сепаратизма (сепаратизма) — одна из самых сложных в сфере этнополитических и конфликтологических исследований. Прежде всего потому, что она прямо связана с вопросом о разделе или упразднении государства — одной из наиболее мощных и всеохватывающих форм социальных коалиций людей. Проблема вышла на передний край обществоведческих исследований в связи с ситуацией, сложившейся после краха коммунистических режимов в Восточной Европе. Хотя сепаратизм имеет давние исторические корни и глобальную географию. Современный клуб государств, которые переживают одну, две или несколько внутренних войн и конфликтов сепаратистского (на этнической или региональной основе) характера, достиг уже нескольких десятков (Таблица 1.)

Таблица 1.

Основные сепаратистские войны и конфликты, 1989-1998

Государство	сторона конфликта	период активности	статус
Ангола	анклав Кабинда	1992, 1994, 1996-97	продолжается

Азербайджан	Нагорный Карабах	1990-94	нет соглашения
Бангладеш	Читтагонг	1989-92	соглашение
Босния-Герцеговина	сербы, хорваты	1992-95	соглашение
Бирма	качины, карены, шань, аракан, кайа	1992-98	продолжается
Джибути	афар	1990-94	нет соглашения
Грузия	абхазы, юж. осетины	1991-1993	врем. соглашения
Гана	сев. районы	1994	подавлено
Индия	Кашмир, Пенджаб, Ассам, Андра Прадеш	1989-1998	продолжается, кроме Пенджаба
Индонезия	Ириан, В. Тимор, Суматра	1989-98	продолжается, кроме Суматры
Иран	сев.-зап. курды	1990, 1993	подавлено
Ирак	сев. курды, юж. шииты-мусульмане	1989-93, 1996	продолжается
Мали	сев. туареги	1990, 1994	соглашение
Мексика	индейцы Чиापаса	1994	соглашение
Морокко	зап. Сахара	1989-90	подавлено
Нигер	сев. туареги, вост. районы	1990-97	продолжается
Россия	Чечня	1994-96, 98-99	продолжается
Сенегал	район Касаманч	1990, 1992-93, 1995, 1997-98	продолжается
Испания	баски	1991-92	подавлено
Шри Ланка	тамилы	1989-1998	продолжается
Судан	юж. районы	1989-1998	продолжается

Источники: The State of War and Peace Atlas. D. Smith with K. Ingstad Sandberg and P. Baev and W. Hauge. L.: Penguin, 1997; P. Wallenstein & M. Sollenberg. 'Armed Conflict, 1989-98', Journal of Peace Research, Vol. 36, 1 5, 1999, pp. 593-606.

Моральность сепаратизма

Политический сепаратизм, как правило, представляет собою наиболее радикальную форму этнонационализма, ибо основывается на коллективном мифе достижения «национального самоопределения» для этнически отличительной общности. Сепаратизм — это требование суверенитета и независимости для этнически обозна-

ченной территории и это требование направлено против государственной власти страны проживания. Современный сепаратизм как политическая программа и как насильственное действие основывается на ложно трактуемом принципе самоопределения: каждая этническая общность должна иметь собственную государственно оформленную территорию. На самом деле такого смысла нет ни в правовой теории, ни в национальных законодательствах, ни в международно-правовых документах. Последние трактуют право народов на самоопределение, имея в виду признание существующей системы государств и право территориальных сообществ (а не этнических групп) определять систему управления согласно демократически выраженной воле и ни в ущерб остальному населению. *Самоопределение, особенно для этнических групп, — это прежде всего право на участие в более широком общественно-политическом процессе. Наоборот, сепаратизм в его этническом варианте — это выход из существующей системы или ее разрушение с целью оформления государственности для отдельной этнокультурной общности. Для сепаратистов самоопределение — это всегда отторжение общего государства, политическое и культурное разделение.*

Для оправдания сепаратистских проектов не существует правовых норм на национальном или на международном уровнях. Более того, международные нормы до сих пор основываются на принципе уважения территориальной целостности государств, как бы не было трудно соблюдать этот принцип в последнее десятилетие. По этой причине вопрос о сепаратизме чаще всего переходит в сферу морали. Именно моральный, а не правовой аспект сделал возможным и легитимным распад Югославии и СССР. Суть этой политической морали в следующем: существовавшие режимы были аморальными и это означало, что и сами государства были нелегитимными, а сепаратизм был моральным выбором. Однако насколько морален сам по себе моральный подход к этой большой проблеме? По крайней мере, моральные аргументы были столь явно использованы геополитическими акторами для поддержки и поощрения распада этих государств, а затем — для новой вооруженной сепарации внутри «новых империй», что моральность вооруженного развода после Чечни и Косово оказалась очень сильно скомпрометированной.

За моральным подходом стоит часто симпатия по отношению к тем, кто хочет отделиться и для этого формулирует программу «национального самоопределения» и создает борцов за эту программу. Самый обычный аргумент в пользу программы сецессии — это переживаемые страдания и стремление избавиться от приниженного статуса меньшинства, который может характеризоваться как дискриминация, сверхэксплуатация, этноцид, колониальное угнетение и т.п. Избавление от этого статуса объясняется также желанием сохранить и развивать целостность и отличительность малых культур, которые разрушаются доминирующей культурой. Ключевым моментом достижения этой цели считается выход из существующей системы и обретение «своего» государства или воссоединение территории с «исторической родиной». Эта с точки зрения политической морали казалось бы легитимная позиция однако не отражена в каком-либо правовом тексте. Как считают некоторые специалисты, «позиция сторонников морального права на сецессию заключается в предоставлении свободы на отделение без вмешательства как проявление высокой морали, и эта свобода требует особой защиты, которая в свою очередь не может быть предметом компромисса между разными интересами, кроме как в исключительных обстоятельствах»⁴.

Однако рассмотрение сепаратизма с точки зрения морального подхода наталкивается на ряд существенных проблем как только мы переходим к анализу конкретных ситуаций. Во-первых, сецессия — это всегда серьезное перераспределение ресурсов и власти, которое не может не сопровождаться нанесением ущерба большому числу людей. Если большинство теряет, а меньшинство выигрывает, почему это должно считаться моральным? Абхазы (20% населения Абхазии) реализовали свою самопровозглашенную сецессию от Грузии вооруженным путем только в результате изгнания большинства грузин из этой части страны, нанеся тем самым ущерб не только 200 тысячам беженцев, но и остальной Грузии и самим абхазцам. Насколько морально отделение Тибета от Китая против воли ханьского большинства, проживающего в этом регионе? Каким образом аборигенные народы Сибири могут реализовать свое требование полного контроля над ресурсами почти 60% территории России, ес-

ли это основной источник экономического обеспечения всей страны?

Сепаратисты используют в качестве морального аргумента для образования отдельного государства установление гарантии сохранения этноса или этнонации. Этническое отличие (в ряде случаев, как, например, с Ольстером — это религиозное отличие) становится таким образом основой для права на сецессию. Но субъектом образования государства этническая общность быть не может, ибо она нигде не имеет четких пространственных границ и членства. Государства образуют другие сообщества, а именно территориальные. Для пропагандистских или мобилизационных целей Израиль может объявляться еврейским государством, но в реальности это государство евреев, арабов, русских и других израильтян, т.е. граждан государства. Как только Российская Федерация будет объявлена государством русских, тогда сецессия со стороны нерусских будет неизбежной. Таким образом, этничность не работает в качестве аргумента сепаратизма, как, кстати, и государственной интеграции. В конечном итоге, ни Латвия, ни Казахстан не смогут осуществить интеграцию своих обществ на основе латышского и казахского этнических проектов: только на основе латвийского и казахстанского национальных проектов.

Во-вторых, сторонники сецессии и внутренние сепаратисты используют в качестве аргумента факт дискриминации, когда последняя не существует или же она присутствует повсюду и касается представителей всех совместно проживающих в одном государстве групп. Именно с целью продемонстрировать исключительную групповую дискриминацию предпринимаются особые усилия, особенно со стороны интеллектуалов, чтобы доказать положение неравенства и несправедливости. Так сравнительно благополучная советская этническая периферия обретает образ жертвы жестокой имперской эксплуатации, а «двойные меньшинства» внутри бывших союзных республик создают не менее драматический образ их собственного страдания от доминирующих групп.

Ошибкой идеологии и практики посткоммунистических трансформаций было неразличение задач демонтажа несостоятельных политико-идеологических систем СССР и других «соцстран» с задачами улучшения правления и регулирования противоречий в много-

этнических сообществах. Этнонационализм, в том числе в форме самопровозглашенной сецессии, был неосмотрительно принят в союзники демократических преобразований, несмотря на свою утопичность и крайне плохой послужной список в истории. Помню поразившие меня опасной поверхностностью высказывания московских коллег-ученых, ставших политиками еще до распада СССР: «СССР — это искусственное образование и ему нет места на географической карте мира» (Ю.Н.Афанасьев); «для нас единственный путь — это не новый союз, а союз государств» (С.Б.Станкевич); «пятнадцать союзных республик плюс Абхазия и Чечня должны стать независимыми государствами» (Т.Г.Шамба). В это же самое время некоторые отечественные славяноведы-балканисты с энтузиазмом предрекали распад «искусственной Югославии».

Казалось бы все оказались правы в своих установках. Раздел государств стал основным итогом конца «коммунистического мира». Этносепаратизм объявил о себе как форма торжества над «последними империями». Однако не все так просто, если не следовать постфактическим оправданиям хода истории, а иметь в виду существовавшие альтернативы и ту цену, которая было заплачена за реализованную «историческую закономерность». Для оценки сепаратизма, особенно в свете конфликта вокруг югославского Косово и новой войны в Чечне, невозможно не учитывать и общемировой контекст, а также ожидаемые последствия дезинтеграции для будущих поколений.

Причины сепаратизма

Образование современной системы государств, в том числе и на основе бывших колониальных империй, произошло не благодаря, а вопреки этническому сепаратизму. Каждый раз, когда политические активисты или вооруженные группировки начинали вести борьбу от имени этнических групп за выход из существующих государственных образований и создание новых государств, это заканчивалось кровавыми конфликтами и массовыми насильственными перемещениями населения. Примеров на протяжении всего XX века было более чем достаточно. Фактически ни один случай вооруженного сепаратизма не закончился достижением политической

цели. Приводившийся долгое время успешный пример Эритреи сегодня обезображен ее войной с Эфиопией, от которой Эритрея отделилась не без решающей поддержки соотечественника Бутроса Бутроса-Гали, который в конечном итоге от имени ООН выступил решительно против сепаратизма⁵. Там, где сепаратизм существует только в политической форме, его сторонники также десятилетиями не могут добиться согласия большинства населения на разрушение общего государства. Провалы референдумов в канадском Квебеке и деятельность сепаратистов во многих других странах тому хороший пример.

Что касается распада СССР, то он произошел и был признан международным сообществом не потому, что некие этнические общности реализовали свое право на самоопределение, а потому что имело место согласие правящих элит на упразднение государства (вернее, существовавшей политической системы) на основе состоявшихся волеизъявлений населения вновь возникших государств. Кстати, в этом смысле все участвовавшие (и даже голосовавшие против независимости) в референдумах латыши и эстонцы являются равноправными создателями государств Латвии и Эстонии и они были исключены из гражданства противоправно. Последнее оказалось возможным только по причине политической растерянности и обмана «нетитульного» населения новых государств, а также благодаря мощной внешней поддержке невиданного по своим масштабам нарушения прав человека во имя скорейшего геополитического развода между Прибалтикой и остальной частью бывшего СССР. Западные стандарты спокойно выдержали беспрецедентный случай, когда большинство населения столицы государства Латвия перестало быть гражданами своей страны из-за этнического происхождения.

Хотя легитимность Беловежских соглашений и республиканских референдумов вызывает до сих пор много дебатов, распад СССР стал свершившимся фактом. Население бывших 15 союзных республик обрело государственный суверенитет и легитимные власти. Самоопределились многоэтнические гражданские нации, а не просто этнические казахи, литовцы, русские, украинцы, эстонцы и прочие, хотя риторика этнического национализма, под лозунгами которой шла политическая мобилизация за независимость, сохраняет свои позиции почти во всех постсоветских странах. Аналогичный

по сути процесс, только в сопровождении более разрушительных конфликтов и с большей долей внешних воздействий, произошел и в СФРЮ, которая распалась на пять государств со сложным составом населения.

Однако число сторонников сепаратизма и самоопределения отдельных этнических групп всегда оказывается больше, чем число существующих и возникающих вновь государств. Ибо известно, что чем больше государств, тем больше меньшинств (а не наоборот!), ибо каждые новые границы создают разделенные общности и в каждом новом государстве бесконечное культурное многообразие порождает новую групповую отличительность по отношению к новой доминирующей группе. «Многонациональность» как идеологическая основа сепаратизма появляется не там, где много этнического разнообразия, а там, где среди меньшинств есть достаточное число образованной интеллигенции и политических активистов, желающих стать доминирующим большинством (на языке сепаратистов — «добиться национального освобождения»). В этом смысле социалистические страны создали прекрасный материал для сепаратизма, положив с саморазрушительной декларативностью этнический фактор в основу внутреннего государственного устройства и вложив огромные ресурсы в образование и культурное развитие меньшинств («социалистических наций»). Незадолго до распада Югославия была признана экспертами ООН как одно из наиболее примерных государств в смысле обеспечения прав меньшинств⁶. Да и СССР выглядел с этой стороны более чем пристойно, если не считать сталинские депортации и антисемитизм.

Вполне естественно, что попытки продолжить дезинтеграцию обруганных «многонациональных империй» инициировали лидеры бывших «двойных меньшинств» (армяне в Азербайджане, абхазы и южные осетины в Грузии, чеченцы в РСФСР, албанцы в Сербии). Эти попытки встретили жесткое противодействие со стороны властей новых государств. Однако сепаратизм оказался столь привлекательным и внешне простым способом решения противоречий для многоэтничных государств, что в ряде случаев ему удалось мобилизовать мощные внутренние и внешние ресурсы и довести дело до разрушительных вооруженных конфликтов. Эти конфликты затро-

нули ряд постсоветских государств (Россия, Азербайджан, Молдова, Грузия), новую Югославию.

Свою долю в эскалацию сепаратистских конфликтов на уровень настоящих войн внесли сами государства и национализм шовинистического толка, а также оказавшиеся за пределами «исторической родины» местное население и армейский персонал. Среди военных не последнюю роль играли проживающие в местном комфорте жены генералов и адмиралов (кому хочется переезжать из теплых черноморских резиденций в неудобные Владивосток или Архангельск?). Абхазия яркий пример, когда шовинизм грузин и позиция местных русских помогли оформиться непримиримому сепаратизму абхазского меньшинства.

Явочный распад СССР и СФРЮ породил проблемы обустройства новых многоэтнических (на советском жаргоне — «многонациональных») государств, в которых вполне естественно появились свои меньшинства. В ряде ситуаций последние действительно почувствовали угрозу со стороны новых властей, исповедывавших часто крайние формы этнического национализма от имени титульных наций. Естественную тревогу не могли не вызывать лозунги типа «Грузия для грузин!» или политика языкового национализма и выталкивания нетитульного населения из власти и процессов приватизации. Кое-где, как например, в Грузии и Югославии были сделаны попытки силой упразднить уже существовавшие формы внутренних этнотерриториальных автономий.

Это были грубые ошибки новых властей, хотя не менее грубыми просчетами были установка на безграничную суверенизацию и утрата государственного контроля над армейскими арсеналами, как это произошло в России, когда воинственный сепаратизм в Чечне получил оружия на целую армию. Аналогичные ошибки в отношении сепаратизма допустили в свое время и другие страны. Цейлон при президенте Бандаранаике провозгласил сингальский язык единственным государственным языком и на этой основе задумал строить сингальскую нацию, забыв о тамильском меньшинстве, и получил в ответ тамильское сопротивление, опять же не без вмешательства Индии. Китай слишком жестоко обошелся с тибетскими волнениями в 1950 годы, которые также из-за внешнего вмешательства

(прежде всего США) превратились в долгое и разрушительное противостояние.

Драматичная и запутанная история сепаратизма не отменяет единственно правильной политики в современном мире — это мирное урегулирование внутренних конфликтов, связанных с жизнью многоэтничных сообществ, с формированием новых государств на демократических началах и с признании императива многокультурности. Все проблемы — от Карабаха, Абхазии, Чечни и до Косово — можно и нужно было решать через мирные и демократические процедуры, через настойчивую и последовательную политику отстаивания интересов определенных групп и регионов. Как показал опыт Татарстана, именно на этом пути можно было добиться гораздо большего и избежать непоправимых жертв и разрушений.

Более отчаянные головы с опытом работы с древними рукописями (Владислав Ардзинба и Левон Тер-Петросян) или с писательским опытом (Зелимхан Яндарбиев, Ибрагим Ругова), а то просто профессиональные военные (Джохар Дудаев и Аслан Масхадов) или «крепкие хозяйственники» (Игорь Смирнов) предпочли мятеж. В ответ на этот вызов нашлись не ведающие компромиссов и не жалеющие жизни своих граждан президенты (Звиад Гамсахурдия, Эдуард Шеварднадзе, Мирче Снегур, Борис Ельцин, Слободан Милошевич) и министры обороны (Тенгиз Китовани, Павел Грачев и другие), которые стали восстанавливать «конституционный порядок». Вины в том те и другие: как поднявшие оружие против власти, так и решившие воевать с собственными гражданами, не считая жертв.

Недавние распады государств под напором периферийной сепаратизации (или даже инициированные «центром») позволяют сделать более глубокий вывод, чем плоская метафора о неизбежности «распада империй» и «триумфа наций». Этот вывод-урок касается всей современной системы государств и их общей озабоченности о «мире с (бес)порядком». Вместо политизированного исторического детерминизма более важен и научно историчен вывод о том, что признание новых государств в уже «огосударствленном» мире не должно происходить поспешно. Тем более, если старое государство еще существует и не признает своего распада, и если остаются мень-

шинства, которые против раздела. Необходимо более серьезное убеждение, что новое государство действительно состоялось к пользе разводящихся сторон и через подлинное самоопределение. В противном случае, поспешное признание без такой уверенности есть признание насилия, воинственных лидеров и вооруженных сект, которые узурпировали «волю народа». Хельсинкский принцип «нет изменению границ силой» совсем не устарел для нового мира.

Исследовавшая вопрос о распаде Югославии Радмила Накарада вполне справедливо сделала следующее заключение: «Внутри «новой» Европы Югославия была бесповоротно разорвана на части как внутренними, так и внешними силами, как иррациональной межнациональной враждебностью, так и предательскими союзами. Югославия представляет собою наиболее драматическую жертву европейского двойного стандарта в отношении Восточной Европы. Хотя Европа (прежде всего страны Европейского Сообщества, но также и такие, как Австрия) не очень охотно предоставляли экономическую помощь Восточной Европе, они были готовы вооружать незаконные вооруженные формирования. Казалось бы будучи заинтересованы в стабильности и демократизации Восточной Европы, они в тоже самое время проявили равнодушие (например, Франция и Италия), а в ряде случаев оказали прямую поддержку (например, Германия и Австрия) разрушительным, сепаратистским и антидемократическим силам во имя заново открытой ценности принципа самоопределения... Другими словами, Европа пожертвовала хельсинским принципом неизменности границ во имя самоопределения без определения каких-либо условий и без признания специфики многоэтнических стран. Ящик Пандорры тем самым оказался открытым»⁷.

Инициаторы сепаратизма

Важно выяснить, что питает современный сепаратизм и что можно ему противопоставить, кроме обличений. Прежде всего, вооруженный сепаратизм имеет слишком много заинтересованных и безответственных (а иногда и искренне заблуждающихся) действующих лиц, чтобы избирать мирную и эффективную стратегию в интересах тех, от имени которых казалось бы и действуют сепаратисты. Во-первых, инициаторы сепаратизма только на словах высту-

пают радетелями «своего народа», а на самом деле они преследуют узко-эгоистичные цели утверждения себя в качестве «лидеров государств» и создания новых бюрократий, которые должны оплачивать «самоопределившиеся народы». Отчаянным борцам за независимость неважно сколько имеется налогоплательщиков для самоопределения, важно, чтобы кто-то в итоге стал «президентом» или «министром... дел» Абхазии, Приднестровья, Чечни или Косово. Не важна и цена, которую должны заплатить соплеменники за реализацию проекта сецессии, ибо сама сецессия провозглашается священным принципом, который не подлежит никаким обсуждениям.

Во-вторых, лозунг достижения независимости сопровождается пропагандой вражды к существующему государству и к остальному населению страны, а само положение субъекта сецессии рисуется в намеренно искаженном виде. В Чечне это называли «народоубийством», «этнотцидом» и «колониальным гнетом», используя травму сталинской депортации и проявления дискриминации в отношении чеченцев, но полностью игнорируя существование в последние десятилетия довольно процветающей автономной республики (об этом вспомнили только после грандиозных разрушений!). В Абхазии сепаратизм эксплуатирует миф о 2000-летней государственности, которой, якобы, были лишены абхазы, хотя к этой государственности современные абхазы и грузины имеют очень условное отношение. В Карабахе для самопровозглашенной сецессии использовалась советская демагогия о безоговорочном праве этнонаций на самоопределение, мифы о геноциде и антиармянской демографической политике. В Косово сепаратизму служила идея Великой Албании, пропаганда о притеснении албанского меньшинства и драматическая телеверсия о массовых убийствах и изгнании албанцев сербами.

Более честный и объективный анализ не обнаруживает всех этих внешне впечатляющих аргументов. Достаточно сказать, что в Косово в последние десятилетия имели место интенсивное хозяйственное развитие, грандиозный рост образования и культуры (около 10 тысяч выпускников вузов ежегодно!) и заметный рост уровня жизни, что и составляет главный интерес людей⁸. Примерно такой же была ситуация в Карабахе, Приднестровье, Абхазии и Чечне. Однако пропаганда воздействует на население, которое лишается возможности видеть позитивные перемены в своей жизни и разные

варианты решения имеющихся проблем, кроме единственного, к которому призывают вооруженные активисты, — «борьба за свободу» (имеется в виду за собственных начальников). Миф об «освобождении от гнета» становится морально и политически единственно приемлемым и вырваться из его авторитарной жесткости простому человеку очень трудно.

Трудно осознавать, но приходится делать вывод, что часть представителей меньшинств, включая власти некоторых российских республик, не выдержала экзамен на новое демократическое общество. Под внешне привлекательным, но по сути пустым лозунгом «национального возрождения» началась суэта с исправлением демографии за счет «репатриации соотечественников» и выталкивания русского населения, отторжение общероссийского исторического наследия и культурных ценностей, включая ставший родным для большинства нерусских россиян русский язык, раздача постов и привилегий для соплеменников, низкие спекуляции вокруг обмена лояльности на федеральные финансовые субсидии.

Означает ли это необходимость более жесткой линии в отношении нерусского населения страны, чтобы «знали свое место»? Конечно и безусловно — нет: Россия сильна своим многообразием и в этом ее изначальная суть. Означает ли это конец унижающим достоинство и развращающим преференциям и особым коллективным правам в ущерб правам граждан и равноправия? Видимо, да. *Судьба СССР и Югославии должна стать уроком не только несостоятельности их политико-идеологических систем, но и серьезной ущербности так называемой «национальной политики», т.е. государственной политики преференций в отношении меньшинств, включая «свою» государственность.* Когда-то покойный Эрнест Геллнер, крупнейший европейский социолог, привел в разговоре со мною «единственный аргумент в пользу раздела Чехословакии: малое — это прекрасно (small is beautiful)». Сейчас, после Чечни и Косово, я серьезно сомневаюсь в достаточности этого аргумента в пользу этнически мотивированной сепарации. Как в 1939 году словацкие радикал-националисты во главе с премьером Тука провозгласили отделение Словакии от Чехословакии, не спросив об этом население, так это было сделано и полвека спустя другим словацким националистом Мечияром.

Ресурсы сепаратизма

Сепаратисты навязывают свою волю через силу и принуждение остального населения, которое обычно живет в мире с представителями различных этнических групп и которое волнуют более земные проблемы обустройства принадлежащих им земельных участков и домов, а не отвоевание территорий неизвестно у кого и для кого. Свою силу сепаратисты обретают через оружие и экстремистские организации, в которые рекрутируются молодые мужчины, готовые добывать средства существования и утверждать свое достоинство через автомат Калашникова, а не через рутинный труд. Таковых рекрутов сепаратизма в небогатых (а часто и в богатых) обществах с ослабленной государственной властью и с кризисной экономикой всегда находится в достаточном числе. Через автомат и простенький лозунг «это — наша земля!» гораздо легче добываются машины и квартиры. Это делается через изгнание чужаков-«оккупантов», когда для этого не надо вкалывать по несколько сезонов на строительных работах, как это было в при «колониальном гнете» чеченцев. Именно оружие и создание групп комбатантов, забросивших мирный труд в пользу военного промысла, позволяет сепаратистам бросать вызов государственной машине.

Видимо, пришло время осознать, что повешенное на стену ружье стреляет не только в последнем акте. Попавшее в руки граждан оружие оказывается основным условием превращения политического лозунга сепаратизма в открытое насилие, совладать с которым крайне трудно, а изъять оружие — еще труднее. Когда неработающие молодые мужчины в Чечне перестанут таскать с собою автоматы, сказать сегодня действительно сложно. Но, видимо, пока усилиями всей страны им не будет найдено более достойное занятие и пока они не будут принуждены сделать это. Если в Косово с помощью НАТО победит «освободительная армия», то ситуация будет аналогичной. Карабах и Абхазия уже давно представляют собою больше военные гарнизоны, чем гражданские сообщества.

Сепаратизм питается внешней диаспорой, которая всегда склонна проявлять эмоциональную и финансовую поддержку наиболее интригующим и рискованным проектам на «исторической

родине», тем более, что большинство симпатизирующих никогда на этой родине не жили и жить не собираются. Американцу с армянской фамилией — выходцу из профессорской семьи в Лос-Анжелесе, вполне могло искренне вериться, что необходимо было восстановить «историческую справедливость» и передать Карабах Армении (возврат Калифорнии Испании или форта Росс России — это, с его точки зрения, абсурд и здесь все справедливо). Такой верующий интеллигент даже готов ехать в Армению и служить там министром иностранных дел, чтобы добиваться поставленной цели (но только не воевать и не быть в числе беженцев!). Проживающий в Москве чеченец или абхазец, читая профессорские лекции в столичном вузе, тоже на досуге озабочен независимостью «своей родины». Он суетится с сочинением текстов деклараций о суверенитете и с подготовкой пропагандистских брошюр и поджигательских речей, направленных по сути против государства, в котором живет и из кассы которого получает свою зарплату (а иногда и носит армейские мундиры с высокими погонами).

Диаспора с иммигрантским статусом, как, например, албанцы в Германии, ведет себя еще более определенно, снабжая денежными переводами и добровольными комбатантами лагерь сепаратизма в стране исхода. Кое где диаспора, имея высокий статус в стране проживания, может навязывать свою версию ситуации в стране сепаратизма и даже влиять на политику государств, добиваясь нужных резолюций, правовых актов и ассигнований. Так это было в случае с армянами и албанцами в США, с албанцами в ряде стран Европы, с черкесской и чеченской диаспорой в Турции и Иордании.

Карабах, Косово и, отчасти, Чечня показали, что диаспора, особенно образовавшаяся уже в ходе конфликта, узурпирует этот конфликт и право на выражение «воли народа» в свою пользу и манипулирует конфликтом на расстоянии. Бывает, что вынужденная диаспора настроена на мирный исход и осуждает вооруженный сепаратизм (от чего и приходится покидать родные места). Такова ситуация с значительной частью чеченской, абхазской и армянской диаспорами. Не разделяют воинственность вооруженных сепаратистов и многие косовары, хотя они вынуждены покидать родину под давлением сербов и находятся под мощным антисербским пропагандистским воздействием. Но чаще дело обстоит по-другому: ди-

аспора несет травму и ненависть, свои давние или свежие обиды и хочет отомстить силами сражающихся сынов или внуков. О «мести внуков» высказался впервые чеченец Абдурахман Авторханов, но он же своим личным примером ее и подтвердил, подталкивая чеченцев на «национальное освобождение» своими оторванными от реальной жизни сочинениями.

Современные диаспоры столь мощны, что могут прекратить конфликт, а могут вести его десятилетиями, снабжая воюющих деньгами и политической поддержкой. Классический пример — это тамильская диаспора в Индии и в странах Запада, которая оплачивает (1 миллион долларов в месяц!) вооруженных тамильских сепаратистов в Шри Ланке уже более двадцати лет. Косовские и чеченские сепаратисты получали оружие, отчасти, также за счет средств диаспоры. Один из американцев, сам ни разу в Чечне не бывавший, открыто объявлял по телевизору, что отправил 10 тысяч долларов на помощь в «борьбе за свободу своей исторической родины». Ни правительство США, только что принявшее закон о борьбе с терроризмом, не реагировало на подобные случаи, ни российский МИД не сделал по этому поводу представлений. Считается как бы естественным, что граждане с «корнями» в других странах могут вмешиваться в дела этих стран, часто не зная языка и ни разу там не бывая. В Косово американские граждане албанского этнического происхождения фактически открыто участвуют в вооруженных действиях на территории Югославии. Если к этому добавить, что деньги и симпатии американских ирландцев помогают держаться сепаратистам Ольстера на протяжении многих десятилетий, то получается, что и без того самая могущественная страна мира является также и откровенным экспортером сепаратизма в его наиболее неприемлемой для мирового сообщества форме — форме насильственных (вооруженных или террористических) действий против легитимных стран и правительств.

Такая ситуация идет против национальных законов и международного права. *Видимо, необходимы особые государственные меры и международные механизмы, которые ограничивали бы внешнее вмешательство через диаспорное население, начиная от неоправданного участия в выборах и кончая поставкой оружия и добровольцев. Особые международные меры и санкции необходимы про-*

тив таких стран, как, например, США и Германия, где состоятельные иммигрантские общины с ведома и согласия стран пребывания осуществляют политику вмешательства и дестабилизации в отношении стран исхода. Говорить о санкциях в отношении США и Германии казалось бы абсурдно, но тем не менее это необходимо и возможно при условии мобилизации того самого «мирового сообщества», право говорить от имени которого узурпировало НАТО и его лидер.

Крах идеологии меньшинств

Сепаратизм использует международную озабоченность нарушениями прав меньшинств в современном мире. Сами эти дебаты и соответствующий корпус международных деклараций и конвенций были в последние два десятилетия инициированы активистами движений малочисленных аборигенных народов и иммигрантских меньшинств. Ученые-гуманитарии, занимающиеся изучением культурного многообразия человечества, долгое время выступали сильными лоббистами и организаторами движений меньшинств. Именно они часто приезжают в местные сообщества и своими неоправданными обещаниями и последующими громкими заявлениями для внешнего мира дестабилизируют межэтнический мир и политическое согласие, а также подрывают лояльность государству. Именно они осуществляют разные «миссии по установлению фактов» и руководят международными неправительственными организациями в защиту меньшинств. Среди этих специалистов попадаются и откровенные авантюристы, типа господина Ван дер Пратта, руководившего Организацией непредставленных народов и наций. Известны случаи, когда представители научного мира откровенно вовлекались в вооруженную борьбу сепаратистов против государства (например, Мария Бенигсен-Броксап в Чечне и Дагестане). Иногда «госаналитики» под «крышей» миротворческих НПО реализуют свою миссию поддержки сепартизма, как это произошло в случае с рэндовским экспертом Полом Хенце, который возглавил миссию по установлению фактов в Чечне, организованную лондонской НПО Международная тревога. В итоге подготовленный доклад был откровенно просепаратистский, как, кстати, и другая деятельность этой НПО на Северном Кавказе (но не в Грузии и в Азербайджане!)⁹.

Сегодня уже ясно, что один из уроков сепаратизма — это скорее аморальность, чем безоговорочная моральность идеологии и практики развода вместо совместных усилий по улучшению общественного правления и культурного сосуществования. В случае глубоких разногласий и конфликта, по крайней мере, более реалистичной представляется возможность существования общегосударства с параллельными структурами (пока новое поколение политиков не найдет формулы примирения), чем деление государств. Последняя процедура не устраняет конфликт, а превращает его в межгосударственный, который еще труднее разрешать. Наивно верить, что отделение Чечни от России, Абхазии от Грузии или Косово от Сербии приведет к появлению «добрососедских» государственных образований.

Поддержка меньшинств только лишь по определению («мы — такие маленькие», «наша культура гибнет», «нас все время притесняют») является несостоятельной. Современные меньшинства чаще всего обладают таким же или даже лучшим социальным и политическим статусом, а в ряде стран выступают в качестве господствующего меньшинства, по крайней мере, на уровне автономий (пример, Адыгея и Башкирия в России, Абхазия в Грузии до изгнания из нее грузин). Меньшинства столь же часто иницируют насилие, что и господствующее большинство. Фактически все наиболее разрушительные конфликты в посткоммунистическом мире были инициированы меньшинствами, по крайней мере, на стадии самопровозглашаемой независимости и создания незаконных вооруженных формирований.

Мир еще по инерции принимает политическую корректность идеологии «прав меньшинств» и осуждает позицию в защиту государства и большинства. Но кажется наступает другое время — время не только защиты притесняемых меньшинств, но и защиты большинства от радикализма и агрессивности меньшинства. Последнее иногда обладает большими ресурсами, чем большинство для навязывания собственного сценария. В случае с Чечней на стороне чеченского вооруженного сепаратизма оказалась мощная коалиция российской радикальной демократии (верящей в советский этнонационализм), либеральный Запад (желающий «досамоопределить» Россию), исламский Восток (расширяющий линии своего

«цивилизационного пространства») и экспертно-информационное сообщество, замороженное эстетикой первой войны на территории бывшего политического и ядерного монстра. В случае с Косово на стороне косоваров (опять же не населения, а воюющих комбатантов и активистов-лидеров) оказались самые мощные в мире военные и пропагандистские ресурсы: НАТО и телекорпорация CNN.

Кстати, мир уже начал более сложно относиться к проблеме меньшинств, а Запад незаметно перенацелил основную деятельность в этом направлении исключительно на страны бывшего СССР и на восточную Европу, особенно Югославию. Возможно, такие страны, как Индия, Китай, Пакистан, Великобритания, Испания, Канада поступают правильно, не допуская внешних манипуляций с собственными меньшинствами, включая очаги внутреннего вооруженного сепаратизма. Ни одна западно-европейская страна не допустила пока Комиссара ОБСЕ по делам меньшинств Ван дер Стула на собственные территории.

В 1970 годы, когда я проводил исследования в Квебеке, канадская полиция буквально следовала по моим пятам ежедневно. На Гавайях моя встреча с активистами движения «Гавайская нация» в 1983 году едва не кончилась неприятностями с властями. В США сепаратистов (техасских, гавайских и прочих) без всяких оговорок осуждают на пожизненное заключение, а сепаратистские группы отслеживают и подавляют самым жестоким образом. В России быстрое утверждение внешней открытости привело к образованию «открытых политических зон», особенно на Северном Кавказе, куда устремились сочувствующие меньшинствам романтики и откровенные авантюристы со всего света, неся свои утопические рецепты или чемоданчики с долларами для оплаты антигосударственной деятельности.

Сепаратизм как новая геополитика

Сепаратизм не стал бы глобальной проблемой, если бы не служил орудием соперничества государств и средством геополитической инженерии. Этот момент присутствовал и в прошлом, когда после первой мировой войны Вильсон, Клемансо и Ллойд-Джордж, ползая по географической(!) карте, «самоопределяли» народы Юго-

Восточной Европы, или когда в период второй мировой войны Сталин и другие победители меняли границы под тем же самым лозунгом. Теперь настал черед победителей «холодной войны» навязывать свою волю внешнему миру через очередные этнические самоопределения. Заметим, что никогда в истории поборники этого принципа не применяли его в отношении собственных государств, если это не касалось расширения их границ.

Как показывает опыт Югославии, несостоятельность и разрушительный характер самого принципа компенсируется кабинетными прожеками создания государств, которые подкрепляются бульдожьей хваткой «дипломатов» типа Ричарда Холбрука и военной мощью «миронавязывателей». Что будет с этими государствами и их границами через одно-два поколения, это не так важно. Важно другое — продиктовать волю и реализовать идеальные (в головах экспертов и политиков) проекты для людей, которые живут за тысячи миль от их кабинетов.

Безответственный энтузиазм новых переделывателей мира столь велик, что ими не замечаются разительная двуличность подходов и намеренные фальсификации. Геополитически невыгодный сепаратизм не поддерживается и даже осуждается (будем бомбить и в Грузии, но только не Тбилиси, а Сухуми!). Отвечающий «антиимперскому» настрою и установке на наказание избранной жертвы (Сербия, Россия) соответствующий сепаратизм (косовский, чеченский) всячески поощряется и открыто поддерживается как отдельными государствами, так и так называемым «международным сообществом».

Чечня и Косово не стали бы столь масштабными трагедиями, если бы это «международное сообщество» во время сформулировало свои сигналы не в виде резолюций, осуждающих «агрессию России в Чечне» и «агрессию Сербии в Косово». Последняя фразеология стала поощрением вооруженной сепаратизма и подрывом государственности, без которой в любом случае наступает общественный хаос и которую не могут заменить никакие международные структуры и инструменты.

Опять же пришло время сделать фундаментальный исторический вывод из последних событий, что человечество не придумало пока ничего лучшего для обеспечения общественного порядка и

социального преуспевания людей, чем государства. Интеллектуальные дебаты об отмирании государств, квази-государствах и т.п. на самом деле заключают в себе утилитарную миссию ослабления или даже разрушения одних государств для усиления других. Если существует действительная заинтересованность в «международном мире», тогда не следует спешить консультировать боевиков из Армии освобождения Косово, как это сделал ушедший на пенсию с поста президента Корпорации Карнеги за международный мир американец Морт Абрамович. Не стоило спешно водружать флаги абхазских и чеченских сепаратистов над штаб-квартирой Организации непредставленных народов и наций в Гааге. У абхазов и чеченцев было более чем достаточно представительства, но не было опыта и ответственности как ими воспользоваться. Поэтому усилия должны быть направлены на то, чтобы научить политиков и общественных активистов как людям с разными религиями и языками жить в одном общем государстве и решать проблемы развития и разделения власти (а не страны!), не изгоняя людей из их домов и не перекраивая границы.

Еще одним историческим уроком сепаратизма становится вывод о слабой роли силы и ее непоследовательности в разрешении конфликтов. Косово еще раз продемонстрировало, что демократия и мир не всегда идут вместе, а лозунг «защиты демократии» и ее «форпоста» в лице Западной Европы вообще превратился в камуфляж для определения новых сфер влияния (даже если это называется «сферами ответственности») и для отработки рутинных военных планов и полевых испытаний современного оружия. Ясно и то, что никакие «гуманитарные акции» и международные миротворческие операции не заменяют возможности и ответственность государства и общества разрешать собственные конфликты. Международное вмешательство далеко не всегда оказывается позитивным, ибо его участники тоже имеют свои и часто достаточно узкие интересы. Поэтому поспешная приватизация конфликта внешними акторами — это тупиковая и опасная стратегия, которая опасно трактуется как некий новый порядок в предотвращении и урегулировании конфликтов.

После демонстрации опасных метаморфоз современного сепаратизма и еще более опасных манипуляций вокруг него будет справедливым, если государства с многоэтническим составом населения

примут дополнительные меры в пользу обеспечения собственного суверенитета и целостности. Это может означать определенное ограничение политики коллективных прав и преференций для особых групп населения. Во всяком случае, после Чечни и Косово трудно представить себе ситуацию, чтобы появлялись новые этнотерриториальные автономии в составе федеративных государств. Доведенная до абсурда тотальных бомбардировок борьба Запада в защиту меньшинств в конечном итоге дала обратные результаты.

Даже если операция НАТО «по предотвращению гуманитарной катастрофы» закончится так, как ее запланировали исполнители, сегодняшняя война на Балканах и неурегулированные конфликты на территории бывшего СССР — это реквием по сепаратизму. Защитив существующие государства, от Китая и Индии до России, Югославии и стран Африки, и отвергнув вооруженный сепаратизм, который угрожает не только этим странам, человечество может спокойнее вступать в новую эпоху. Противоположный вариант «нового порядка» просматривается с большим трудом, ибо он беременен новыми циклами насилия. Сепаратизм несет разрушения и культурную деградацию больших и малых народов Земли, во имя которых казалось бы и осуществляется новое миронавязывание.

¹ Ñôääè íáííâèò ñâôüâçíúò ðááíò îòíâòèì: Bookman M.Z. The Economics of Secession. N.-Y.: St. Martin's Press, 1992; Separatism — Culture Counts, Resources Decide. Ed. by Andresen T., Bull B., Duvold K. Bergen, 1997.

² См. Lieven A. Chechnya. Tombstone of Russian Power. New Haven and L.: Yale University Press, 1998; С.М.Червонная. Абхазия — 1992: Посткоммунистическая Вандея. М., 1993.

³ Личное письмо от Катрин Люсье, 10 ноября 1995 г., Монреаль.

⁴ Buchanan A. Secession/ The Morality of Political Divorce from Fort Sumner to Lithuania and Quebec. Boulder: Westview Press, 1991, p. 27.

⁵ Бутрос-Гали Б. Повестка для мира. Нью-Йорк: Издательство ООН, 1992.

⁶ Этот вывод содержится в материалах комиссии ООН при подготовке Декларации о правах лиц, принадлежащих к языковым, религиозным, этническим (национальным) меньшинствам.

⁷ Nakarada R. 'The Paramount Case of Yugoslavia', Millennium: Journal of International Studies, 1991, Vol. 20, No. 3, p. 369.

⁸ См.: Косово: международные аспекты проблемы. Под ред. Е. Степановой и Д. Тренина. М., 1999.

⁹ Chechnya. Report of an International Alert Fact-Finding Mission. London, 1992.